

УГОЛ ЗРЕНИЯ

ANGLE OF VIEW

Очерк

УДК 94 (57)

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-168-178

Празднование 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске: недавший акт локальной исторической политики

Сергей Андреевич Чернышов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
1502911@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>*

В статье исследуется празднование 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России в ключевых Восточно-Сибирских городах – Красноярске и Иркутске – с позиций коммуникативистики, локальной исторической памяти и исторической политики как символическое действие, призванное навязать локальным сообществам некоторый набор нарративов, связанных с понятиями «Сибирь», «Россия» и «присоединение», как значимых факторов местной жизни. Цель исследования – анализ значимости для локальных городских сообществ Красноярска и Иркутска 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России как существенного акта локальной исторической памяти и элемента локальной исторической политики. Методологической основой настоящего исследования является инструментарий коммуникативистики: празднование 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России рассматривается как символический акт локальной исторической политики, который был призван навязать местным сообществам некий нарратив (ключевые понятия которого – это «Сибирь» и «присоединение к России»), и по эффективности реализации которого можно судить о самовосприятии городского восточносибирского населения. Исследование выполнено на основе архивных материалов (некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот), материалов личного происхождения, локальной публицистики и материалах СМИ. Делается вывод, что несмотря на активные попытки областников и местной деловой элиты организовать празднование и коммуникативное оформление юбилея как символический акт локальной исторической памяти, 300-летие присоединения Сибири как значимый нарратив разделяло очень ограниченное количество населения. Бюджеты мероприятия оказались резко дефицитными, даты – до последнего неясными, а подготовка – сумбурной. Вопреки традиционной трактовке этого события 1881–1882 годов, 300-летие Сибири как попытка сформировать локальный символ оказалось неудачной, что не помешало заинтересованным субъектам социально-политических коммуникаций (областникам, части местных элит и государственных чиновников) представить это событие как значимое для местной жизни, сделав это фактически по классическим канонам исторической политики.

Ключевые слова: Сибирь, присоединение Сибири, историческая память, 300-летие присоединения Сибири, Сибирский день, историческая политика, областничество

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150>.

© Чернышов С. А., 2023

Essay

Celebrating the 300th Anniversary of the Joining of Siberia to Russia in Krasnoyarsk and Irkutsk: A Failed Act of Local Historical Politics

Sergey A. Chernyshov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
1502911@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

The article examines the celebration of the 300th anniversary of the annexation of Siberia to Russia in the key East Siberian cities – Krasnoyarsk and Irkutsk – from the standpoint of communication science, local historical memory and historical politics, as a symbolic action designed to impose on local communities a certain set of narratives associated with the concepts of “Siberia”, “Russia” and “accession” as significant factors of local life. The purpose of the study is to analyze the significance for the local urban communities of Krasnoyarsk and Irkutsk of the 300th anniversary of the annexation of Siberia to Russia as an essential act of local historical memory and an element of local historical politics. The methodological basis of this study is the tools of communication science: the celebration of the 300th anniversary of the annexation of Siberia to Russia is seen as a symbolic act of local historical politics, which was intended to impose on local communities a certain narrative (the key concepts of which are “Siberia” and “joining Russia”), and by the effectiveness of the implementation of which one can judge the self-perception of the urban East Siberian population. The study was carried out on the basis of archival materials (some of which are introduced into scientific circulation for the first time), materials of personal origin, local journalism and media materials. It is concluded that despite the active attempts of the regionalists and the local business elite to organize the celebration and communicative design of the anniversary as a symbolic act of local historical memory, the 300th anniversary of the annexation of Siberia as a significant narrative was shared by a very limited number of the population. The budgets of the event turned out to be sharply scarce, the dates were unclear until the last moment, and the preparations were chaotic. Contrary to the traditional interpretation of this event of 1881–1882, the 300th anniversary of Siberia as an attempt to form a local symbol was unsuccessful, which did not prevent interested subjects of socio-political communications (regionals, part of local elites and government officials) from presenting this event as significant for local life, doing this in fact according to the classical canons of historical politics.

Keywords: Siberia, annexation of Siberia, historical memory, 300th anniversary of the annexation of Siberia, Siberian day, historical policy, regionalism

Acknowledgment. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150>.

Введение. Осенью 1881 г. между городскими думами сибирских городов, губернскими управлениями и министерством внутренних дел России шла активная переписка и обмен телеграммами – чиновники решали, стоит ли праздновать в этом году 300-летний юбилей «присоединения Сибири к Российской державе». Иркутянин, представитель известной купеческой династии, выборный Московского биржевого общества Александр Трапезников 13 октября 1881 г. телеграфировал в Иркутск из Москвы: «Из Томска [городской голова] Цибульский телеграфирует, что 26 сего октября нам предложено праздновать 300 ление присоединения Сибири будет ли там праздноваться этот юбилей Иркутске когда именно покорнейше прошу телеграфировать»¹. Телеграмма была отправлена всего лишь за две недели до предполагаемого праздника, что подчер-

кивает не только неосведомленность, но и неподготовленность к юбилею, который затем будут описывать как одно из ключевых событий в Сибири 1880-х гг.

Это было не только «недоработкой» местных элит – восточно-сибирские генерал-губернаторы той же осенью 1881 г. обсуждали то же самое. Так, 17 сентября 1881 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин в письме уведомлял начальника Иркутской губернии И. К. Педашенко, что «празднование этого юбилея в текущем году, во всяком случае, должно быть отложено по причине продолжающегося государственного траура и что в Московском Главном Государственном Архиве производятся розыски: когда именно подписана Царем Иоанном Васильевичем грамота о присоединении Сибири или по крайней мере когда торжественное молебие в Московских соборах по этому случаю, а равно

¹ ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 985.

когда была Царская аудиенция Сибирской экспедиции»¹.

Наконец, дискутировали по поводу даты празднования и местные краеведы. В «Хронологическом перечне важнейших дат из истории Сибири 1033–1882 годов», изданном в Иркутске И. В. Щегловым в 1883 г. (через один или два года от одной из дат предполагаемого юбилея) упоминается, что единого понимания по поводу даты «присоединения Сибири» всё ещё нет: ««скромным труженникам, которые известны под названием местных исследователей, представляется, нужно навести ничтожные справки»². Например, он советует обратиться к Полному собранию Законов Российской империи, «описанию путешествия по Сибири какого-нибудь иностранца», «в один из столичных журналов» или «к какому-нибудь научному периодическому изданию»³. Щеглов – один из самых осведомлённых местных краеведов того времени – констатирует, что точную дату присоединения Сибири ещё только предстоит выяснить, и работа эта, по существу, еще только не началась.

Приведённые источники ясно демонстрируют, что 1881–1882 гг. значительная часть сибирского общества и представителей власти не только не была осведомлена о грядущем «грандиозном юбилее», но и никак к этому юбилею не готовилась. Это обстоятельство диссонирует с традиционной оценкой этого праздника, согласно которой 300-летие присоединения Сибири вызвало здесь «живейший отклик, который ещё за несколько лет до указанной даты отразился в многочисленных публикациях отечественных и, разумеется, сибирских газет и журналов» [1, с. 246]. 1882 год традиционно считается точкой отсчёта для празднования «Сибирского дня» в самой Сибири и демонстрацией сплочения сибирского общества, а также восприятия им некоего нарратива о Сибири, «присоединённой к России». По утверждению М. В. Шиловского (это единственный автор, который посвятил отдельную статью проблематике празднования «Сибирского дня» в дореволюционный период), именно с 1882 г. формируется ежегодный ритуал празднования «присоединения Сибири к Российской державе» как значительного локаль-

ного события, который повторяется вплоть до революции 1917 г. [2].

Последнее утверждение на самом деле, предполагает априорное согласие с несколькими тезисами. Первый – локальные сообщества сибирских городов ощущают сопричастность к некоему конструкту под названием «Сибирь», который мыслится автономно от «России». Второй – для местных сообществ идея «присоединения Сибири к Российской державе» является важным, системообразующим нарративом коллективной памяти и локальной самоидентификации. И, наконец, третий (вытекающий из первых двух) – 300-летие присоединения Сибири к России ощущается населением сибирских городов начала 1880-х гг. как важный факт местной общественной жизни.

В настоящей статье мы ставим исследовательский вопрос о возможности доказательства трех представленных тезисов на архивных материалах, материалах личного происхождения и локальных исследованиях рассматриваемого периода в сравнении с коммуникативным оформлением юбилея в столичной и местной прессе, а также работах авторов, которые были заинтересованы в искусственном завышении значения 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России для местных городских сообществ (прежде всего, областников и представителей местных деловых элит). Иными словами: насколько в действительности (а не со слов заинтересованных в этом авторов) городские сообщества сибирских городов идентифицировали себя с «Сибирью», которая «присоединилась к России», и ощущали 300-летний юбилей этого присоединения как важное локальное событие?

Методология и методы исследования. Методологической основой настоящего исследования является междисциплинарный коммуникативистский подход к репрезентации исторических событий в локальной исторической памяти и исторической политике. Юбилейную дату 300-летия присоединения Сибири к России, связанные с ней мероприятия и зафиксированные в личных и публичных источниках реакции на подготовку и проведение юбилея мы рассматриваем как сложноустроенный акт ретроспективной публичной коммуникации. В формулировке Ю. М. Лотмана это – «ретроспективная трансформация реально протекшего процесса» [3, с. 32], которая в отличие

¹ ГАИО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 105.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири 1033–1882. – Иркутск: Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общ-ва, 1883. – С. 760.

³ Там же.

от несвязанного набора исторических событий мыслиться как закономерный и внутренне непротиворечивый сюжет. Этот сюжет находится в некоем контексте – коммуникационном пространстве, которое порождает именно эту, а не иную интерпретационную картину [4, с. 239]. В нашем случае – это социально-политическая и культурно-демографическая ситуация Восточной Сибири последней четверти XIX в., которая породила специфические особенности репрезентации 300-летнего «сибирского» юбилея. Иными словами, исследование особенностей празднования 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске даёт нам возможность анализировать и интерпретировать структурно-содержательные особенности самоощущения местных сообществ, отвечая на поставленные исследовательские вопросы об их самоидентификации как «Сибири», которая «объединена с Россией».

Такая методологическая установка близка к понятию «коллективная память», введенному в оборот М. Хальбваксом в 1920-е годы, однако ту же мысль высказывал и В. О. Ключевский, интерпретируя исторический факт как «общественную идею» [5, с. 32]. Пришедший на смену «мифам» и «идеологиям» термин «коллективная историческая память» [6, с. 27] субъектен. Коллективная память интерпретирует события в контексте собственных интересов, не терпит многозначности [7, р. 14]. Коллективная память репрезентируется через некоторый набор публичных действий, которые интерпретируют социальную реальность [8, с. 11], – в том числе, через объявление некоей даты важным событием для локального сообщества. Такого рода акт обязательно сопровождается формированием нарратива, связывающего прошлое с настоящим и будущим, а также порождает «общественные дебаты» [9, р. 14] о прошлом как способ изменения настоящего через ретроспективную интерпретацию общественных проблем.

Наконец, отдельной методологической проблемой является соотношение «элит», которые очевидно являются субъектами конструирования исторической политики и коллективной памяти, и «народа», который теоретически занимает пассивную позицию, выступая «носителем памяти» [10, с. 19–20]. Здесь мы занимаем позицию, сформулированную Ю. Хабермасом, для которого

народ – «среда для господствующей культуры», которая периодически в различных формах (например, бунты и иные реакции на акты воздействия государства и элит) проявляет себя» [11, с. 15].

Таким образом, празднование юбилея 300-летия присоединения Сибири к России мы рассматриваем как символический акт локальной исторической политики, который был призван навязать местным сообществам некий нарратив (ключевые понятия которого – это «Сибирь» и «присоединение к России»), и по эффективности реализации которого можно судить о самовосприятии городского сибирского населения. Для ответа на поставленный исследовательский вопрос мы сузили поле исследований до ключевых городов Восточной Сибири последней четверти XIX в. – Красноярске и Иркутске. Такое сужение обосновано спецификой этих городов как крупных торговых и образовательных центров того времени – с одной стороны, и географической «отстранённостью» этой территории от ключевых событий присоединения Сибири к Русскому государству (в отличие, скажем, от Тюмени и Тобольска). Последнее обстоятельство обеспечивает нам «чистоту эксперимента», поскольку для Красноярска и Иркутска «присоединение Сибири к России» (по крайней мере, в том контексте, который предполагал 300-летний юбилей, – как присоединение Сибирского ханства) являлось исключительно искусственным конструктом, никак не связанным ни географическими, ни исторически с этими территориями.

В исследовании использовались материалы личного происхождения, публицистические, краеведческие и научные источники, изданные во второй половине XIX в. в Иркутске и Красноярске (рассматривались также и источники, изданные в указанный период в иных местах – в этом случае, важным было принадлежность источника к интерпретации 300-летия присоединения Сибири к России или места Сибири в российской государственности в целом). Особую группу источников представляют архивные материалы государственных архивов Иркутской области и Красноярского края, относящиеся к празднованию 300-летия присоединения Сибири к России, некоторые из которых публикуются впервые.

Результаты исследования и их об- суждение. Культурно-образовательный

уровень восточносибирского городско-го населения и интенсивность публичных коммуникаций. Начнём с культурно-образовательного контекста. Очевидно, что существование в коллективной памяти таких довольно абстрактных категорий как «Сибирь», «присоединение к России» и аналогичных предполагает известный уровень образованности и культурного развития локальных сообществ. Однако в нашем случае данные и свидетельства современников говорят скорее об обратном.

По данным В. Загорского, в 1719 г. 36,75 % сибирского населения были ссыльными и беглыми, подавляющее большинство – необразованными [12, с. 451]. В начале 1740-х гг. году епископ Иннокентий основал в Иркутске школу, в которой «силой набрал 60 мальчиков» – однако после его смерти в 1746 г. школа закрылась, и возобновила свою работу только через 34 года [12, с. 453], что ясно говорит о востребованности идеи образования в Восточной Сибири во второй половине XVIII в. В феврале 1812 г. в Иркутске губернатор Н. И. Трескин переслал в городскую думу ходатайство директора училищ Миллера об открытии трех (вместо планируемых двух) училищ – «по отдаленности от училищ 4-й части города и по неудобству детям тамошних граждан обучаться в оных». Однако, когда в марте 1812 года городская дума объявила предварительный набор в эти училища, желающих оказалось всего трое [13, с. 755] – настолько власти города переоценивали локальный спрос на образование. Ученики открытых в начале XIX века школ в Иркутске и Барнауле «смотрели на учителей, как на врагов, и не упускали случая избавиться от них бегством» [12, с. 455], – констатирует Загорский.

Не слишком изменилась картина и к последней четверти XIX века – рассматриваемому нами периоду. Так, в 1870 г. в Иркутске на 100 человек 65 были «абсолютно безграмотными», 3 – «окончили курс средних учебных заведений», остальные «получили только нисшее образование» [14, с. 18–19]. Резкий рост количества образовательных учреждений и обучающихся в них начался позже – в начале XX в. Если в 1880 году на всю Восточную Сибирь приходилось 235 учебных заведений, в которых учились 8460 человек, то в 1911 г. – уже 1529 учеб-

ных заведений с 85478 учащимися [15, с. 517] (10-кратный рост!).

Разбросанное на огромной территории малообразованное население имело ещё и довольно ограниченные возможности коммуникаций – прежде всего, коммуникаций публичных, которые представляют основу для формирования абстрактных коллективных категорий в целом и коллективной памяти в частности. П. А. Слозцов в письме из Иркутска 20 марта 1826 г. писал: «разбросанные жители почти не представляют соединённого общества»¹. Через полвека мало что изменилось – особенно в части «общего языка». В России 1881 г. насчитывалось 554 периодических издания, при этом в Сибири – всего 35 изданий, две трети из которых «социальные и справочные» [16, с. 18–19]. Почти никак не коммуницировали местные жители и с остальной Россией: «из неторгующих иркутян почти никто в Россию не ездил, как исключение были поездки по святым местам»², – писал в начале XX в. местный краевед Н. С. Романов.

Впрочем, и в остальной России представления о Сибири были весьма смутные. Даже образованной части российского общества территория к востоку от Уральских гор – «terra incognita», на открытие которой никак не повлияло академическое изучение Сибири Г. Ф. Миллером [17, с. 5]. Так, Д. Клеменец ещё в 1880-е гг. в своих заметках констатирует: «образованные люди у нас гораздо более знают про Францию или Германию, чем про Россию, и тем паче про Сибирь»³. А известный учёный В. А. Обручев в письме матери из Иркутска в 1888 г. наглядно демонстрирует нам типичный образ Сибири в кругах столичной интеллигенции: «не стояла ли ты, когда мы прощались, со слезами на глазах так, как будто я должен был идти в негостеприимную Сибирь – страну преступников?»⁴. И еще один характерный эпизод: приват-доцент Петербургской духовной академии М. Смоленский, прибыв в Тобольск в 1857 г., удивляется, что на подоконниках здесь стоят цветы, тогда как «с малых лет привык я слушать от своих зем-

¹ Слозцов П. А. Письма из Сибири. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 16.

² Романов Н. С. Воспоминания // Библиофил Сибири. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – С. 103.

³ ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 593. – Оп. 1. – Д. 4.

⁴ Обручев В. А. В старой Сибири. – Иркутск: Иркутское кн. изд., 1958. – С. 55.

ляков, что Сибирь – страна ужасная, что в ней привольное житье только пушным зверям»¹.

Тезис о малообразованном населении, существующим в примитивном культурно-социальном контексте дополнительно подтверждается самим вниманием к локальной истории в среде даже немногочисленных образованных сибиряков. Точнее – отсутствием такого внимания.

Известно, что первые тексты «Сибирских летописей» Г. И. Спасский опубликовал только в 1821 г. [18], однако он и его труд довольно быстро были забыты. Характерно отношение локального сообщества к создаваемым местным музеем. Так, «Сибирская газета» в марте 1883 г. пишет по поводу создания Минусинского и Енисейского городских общественных музеев, что дело это «совершенно искусственное, не коренящееся в реальных потребностях населения» [19, с. 24].

На аналогичном уровне по всей Сибири находилось и археологическое изучение локальной истории. В 1891 году основатель Минусинского музея Н. М. Мартьянов писал: «почти весь археологический материал собран на поверхности округа, случайно, главным образом при обработке полей и огородов»². Раскопки на Чувашском мысу в окрестностях Тобольска (место одной из ключевых битв Ермака) начались только в 1878 г. [20, с. 138], а раскопки «Кучумова городища» – только в 1889 г., да и то после публичного скандала, начавшегося с публикации заметки в «Московских ведомостях»³. Даже в начале XX века ситуация радикально никак не изменилась. Так, в конспекте лекций иркутского историка Б. Г. Кубалова, которые он прочитал студентам ИГУ в 1922 г., в разделе «Ближайшие задачи изучения истории Сибири» зафиксировано: «для истории Сибири 16–19 в. прежде всего должен быть разрешен вопрос о сибирском летописании, о народной массе как двигателе сибирской исторической жизни, о колони-

зации Сибири...»⁴. По существу, в 1920-е гг. один из ключевых восточносибирских историков признавал, что изучать историю Сибири необходимо фактически «с нуля».

При этом нельзя говорить о том, что у городских жителей Сибири рассматриваемого периода не было возможности изучения локальной истории. Судя по архивным данным, в том же Иркутске, в библиотеке Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в 1889 г. были все ключевые работы, изданные к тому времени по истории Сибири, включая труды Миллера и Палласа, – всего 307 книг и статей⁵. Периодически в конце XIX – начале XX в. предпринимались и попытки издания серьезных научно-публицистических и социально-политических журналов, однако эти инициативы не находили отклика у местной публики. Так, журнал «Сибирские вопросы» на который иркутянин В. П. Сукачев тратил 12–13 тыс. р. ежегодно, имел всего 393 подписчика в 1913 г., вследствие чего его издание было прекращено. В сентябре 1913 г. в Иркутске начал издаваться еженедельный литературно-общественный и политический журнал «Сибирская Неделя», но уже в марте 1914 г., после выхода в свет 25 номеров, его издание также прекратилось из-за недостатка средств [21, с. 71–72].

Таким образом, данные об уровне образованности местного населения, интенсивности публичных коммуникаций, интересе публики к локальной истории и сколько-либо серьезному публичному диалогу об общественно-политических вопросах говорят нам об отсутствии оснований для возможности существования коллективной памяти о присоединении Сибири к России и в целом о невозможности значительного распространения такого рода абстрактных нарративов.

Празднование юбилеев «присоединения Сибири» в сибирских городах до 1880-х гг. Несмотря на описанный выше культурно-образовательный контекст, попытки увековечивания памяти о присоединении Сибири к России в локальных коммуникативных практиках начались ещё в 1630-е гг. и продолжались вплоть до рассматриваемого нами периода. Так, в 1636 г. первый сибирский архиепископ Киприан установил «Синодик Ермаковым казакам», который, впрочем, имел распространение только

¹ Смоленский М. Несколько слов о саде и цветнике, устроенных при памятнике Ермаку // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. – Книга II. Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX века. – Тюмень: Мандрика, 2004. – С. 20.

² Мартьянов Н. М. Минусинский публичный местный музей. Каталог и краткое описание. – Томск: Типография П. Макушина, 1891. – С. 94.

³ Архив ИИМК (Институт истории материальной культуры). – Ф. 1. 1889. – Д. № 93. – Л. 2.

⁴ ГАИО. – Ф. р-2873. – Оп. 1. – Д. 324.

⁵ Там же. – Д. 405.

в Тобольске [2, с. 13]. В дальнейшем нам известно о праздновании 200-летия «покорения Сибири» в Тобольске 26 октября 1784 г. – в день памяти великомученика Дмитрия Мироточивого, Солунского чудотворца [22, с. 19].

В следующий раз юбилей присоединения Сибири отмечался в 1839 г. – тогда праздновали 250-летие этого события, праздник был ознаменован установкой мраморного столба в Тобольске [2]. Впрочем, это празднование имело в основе скорее общеимперский, чем локальный мемориальный контекст [23, с. 144]. Наконец, в том же Тобольске 300-летний юбилей покорения Сибири решили праздновать 6 декабря 1882 г., в день тезоименинства цесаревича Николая Александровича [22, с. 19].

Иными словами, раз за разом мы наблюдаем, как празднование «покорения Сибири» насаждается локальному сообществу в контексте общеимперских (или церковных) задач, и «подгоняется» к той или иной дате, мало связанной с собственно «Сибирским взятием». День празднования «покорения Сибири» – явно был навязан официозом. В октябре 1877 г., очевидно, имея в виду именно это, писал в газете «Сибирь» Н. М. Ядринцев, выражая опасение, что грядущее празднование 300-летия присоединения Сибири «не вышло сухим археологическим праздником без всякого отношения к современной жизни» [1, с. 247]. Иными словами, опасался, что локальное сообщество снова не воспримет для себя официальную дату как актуальное символическое событие.

«На какие средства должен быть отнесен расход»: официальные отчеты и действительная популярность 300-летнего юбилея. В этих условиях городская общественность и публичная власть рассматриваемых сибирских городов подошла к 1881–1882 г. То, что это было во многом неожиданное и неподготовленное событие для власти и местных элит, было показано выше на материалах нескольких переписок 1881–1882 гг. Ещё 13 октября 1881 г. Александр Трапезников телеграфирует из Москвы в Иркутск вопрос о возможности празднования юбилея – за две недели до предполагаемой даты. А 17 сентября (чуть более, чем за месяц до предполагаемой даты) генерал-губернатор Восточной Сибири не только призывает отложить праздник на год из-за национального траура,

но и в целом сомневается в обоснованности выбранной даты: «из представленных исторических фактов оказывается, что 26 октября 1581 г. было только взятие Искера Ермаком, но не присоединение Сибири, ибо 15 ноября 1582 г. Царь Иоанн Васильевич подписал опальную грамоту Строгановым за своевольные действия казаков и только первого марта 1583 г. посланец Ермака Иван Кольцо возвратился в Искер с царскими милостями»¹.

Тем не менее, если судить исключительно по официальным отчетам, в декабре 1882 юбилей 300-летия присоединения Сибири к России прошёл превосходно во всех сибирских городах. Так, в отчёте генерал-губернатора министру внутренних дел празднование юбилея в Иркутске описывается так: «массы наполнявшего улицы и площади народа и чрезвычайно сильный спрос... все свершилось вполне благополучно»². Современные исследователи повторяют этот нарратив, практически не подвергая его критическому анализу, описывая литургии, танцевальные вечера, общественные мероприятия и иные события в крупнейших сибирских городах» [2, с. 14].

Если взять другой массив источников за пределами официоза, то картина праздника окажется несколько иной. Остановимся на одном техническом, но очень ярком эпизоде празднования – бюджете мероприятия. В Государственном архиве Красноярского края хранится ранее неопубликованный документ – «Дело о принятии на счет города расхода 758 рублей 45 копеек, употребленных на празднование 300-летия присоединения Сибири к России»³, который может продемонстрировать подлинный интерес публики к юбилею.

Согласно этому делу, 17 января 1883 г. в городскую управу поступило заявление от почетного гражданина, купца Ивана Герасимовича Гадалова. В заявлении говорилось, что в декабре 1882 г. купец совместно со своим партнером Павлом Марковичем Прейном выступили спонсорами празднования 300-летия присоединения Сибири, потратив на него 1 117 р. 45 коп. Однако вернуть потраченные деньги им не удалось: по подписке они собрали только 309 р., и дополнительно ожидали к поступлению ещё

¹ ГАИО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 105.

² Там же.

³ ГАКК (Государственный архив Красноярского края). – Ф. 161. – Оп. 2. – Д. 136.

50 р. При этом они указывали, что Городская дума, установив порядок празднования юбилея, совершенно не разъяснила «на какие средства должен быть отнесён расход на юбилейные празднования».

К заявлению прилагалась смета праздника. Основные затраты пришлись на «вина и столовые припасы» – 879 р. 70 коп., ещё 145 р. потратили на прислугу, а остальные затраты – иллюминирование города (39,9 р.), музыканты (20 р.), телеграммы императору и генерал-губернатору – составляли уже незначительную часть сметы. Городская управа, рассмотрев проблему, 3 февраля приняла решение в пользу купцов и возместила им все оставшиеся затраты, однако важно зафиксировать: городское сообщество не смогло собрать и треть от необходимой (причем довольно скромной) суммы на 300-летний юбилей.

Добавим к этому описанный выше культурно-образовательный контекст городов Восточной Сибири, мало способствующий приданию существенного значения абстрактным историческим категориям и символическим акциям. Таким образом, можно сделать вывод, что юбилей вероятнее всего прошел незамеченным для подавляющего большинства населения даже в ключевых восточносибирских городах.

Юбилей как акт публичной политики: областники и местная деловая элита. Вместе с тем, на фоне явно низкого интереса локальных сообществ к 300-летию юбилею, существовало, по меньшей мере, две значительных группы субъектов коммуникаций, которые в рассматриваемый период предприняли довольно активную попытку преувеличить значение этого события и использовать его в актуальной политико-экономической повестке.

Первая группа – это так называемые «областники». За несколько лет до предполагаемого юбилея (еще когда он планировался на 1881 г.) областники попытались организовать масштабную общенациональную коммуникационную кампанию, публикуя в серию статей о проблемах Сибири в таких изданиях как «Дело», «Неделя», «Отечественные записки», «Вестник Европы» и других [2, с. 13]. Областничество, зародившееся в стенах петербургского университета (где обучались Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев), пыталось использовать 300-летний юбилей как повод для «переворота умов (в

Сибири) и пополнения пустоты в (сибирских) головах» [1, с. 226] (цитата по Г. Н. Потанину). Для этой цели областники использовали не только прессу, но и публичные мероприятия – например, собрав в октябре 1881 г. в Москве и Петербурге несколько сотен человек на праздничные обеды [24, с. 3]. Для областников ни идея значимости 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России имела оттенок классического колониального дискурса в европейских государствах второй половины XIX в. и рассматривалась скорее с позиций интеллектуально-политического диалога.

Вторая группа – это региональные деловые элиты, для которых искусственное усиление значения 300-летнего юбилея стало поводом для инициации дискуссии о необходимости модернизации государственного управления в Сибири. В отличие от областников (хотя и во многом в союзе с ними), для региональных деловых элит исторический эпизод присоединения Сибири и символический «юбилейный» нарратив стал поводом для дискуссии о текущих экономических вопросах. Так, Иркутский городской голова в письме управляющему Иркутской губернии 25 октября 1881 г. «по поводу» 300-летнего юбилея писал: «имею честь испрашивать ходатайства Вашего: о прекращении ссылки в Сибирь, [...] о даровании Сибири гласного суда и той доли свободы печатного слова, которого пользуется столичная пресса»¹. Это же письмо вместе с протоколом Думы и своими пояснениями иркутский губернатор 24 марта 1882 г. переслал министру внутренних дел – и нужно признать, что это был бюрократический максимум, которого могла добиться городская дума сибирского города.

Деловые элиты использовали и публичное пространство как повод заявить об идее «унификации» Сибири и остальной России «по поводу» 300-летнего юбилея. Так, в ходе уже упомянутого праздника в столицах в октябре 1881 г., выступающие говорили в основном именно об этом: «позднейшие окраины – Польша и Кавказ по учреждениям более русские, чем трёхсотлетняя Сибирь» (из речи Г. Грацианского); «Сибири нужны те же принципы управления, что и остальной России» (из речи Б. А. Милютин) и прочие [24, с. 6]. Гласный суд, унификация законов, свобода прессы – это по существу условия для стабильного функционирования коммерческих

¹ ГАИО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 105.

предприятий и повышения прозрачности ведения дел (и в том числе сокращения пространства для коррупции), в чём, естественно, заинтересована деловая элита. Сложно сказать, оказался ли этот акт исторической политики успешным. В краткосрочной ретроспективе определенно нет, поскольку гласный суд в Сибири ввели только в 1896 г. – через 15 лет после 300-летнего юбилея.

Заключение. В исследовании показано, что попытка навязать локальным сообществам некоторый набор нарративов, связанный с их самоощущением как единообразной «Сибири», «присоединение» которой к России имело в прошлом существенное значение, а юбилей которого в свою очередь имеет существенное значение в настоящем, существенно отличалась от предыдущих эпизодов празднования. Прежде всего, тем, что для достижения целей субъектов коммуникации впервые были использованы (с известными ограничениями) инструменты публичной политики – общественные мероприятия, кампания в прессе и публицистике, официальные отчеты о праздновании и придание юбилею «государственного» значения. Однако действительно заинтересованными в такого рода нарративе было

лишь небольшое количество людей (по существу – только областники, региональные деловые элиты и часть чиновничества), что на фоне очень низкого культурно-образовательного уровня населения, неразвитости институтов публичных коммуникаций (прежде всего, локальной прессы) привело к неудаче акта презентации 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России как символически значимого акта локальной исторической политики. Локальные сообщества холодно восприняли юбилей, бюджеты мероприятия оказались дефицитными, а подготовка – сумбурной.

Всё это позволяет говорить о том, что традиционное представление о 300-летнем юбилея присоединения Сибири существенно переоценивает его значение для локальных городских сообществ и представляет собой некритическое воспроизведение нарративов, которые пытались навязать в публичном пространстве XIX в. заинтересованные субъекты социально-политических коммуникаций. Фактически нарратив «300-летие присоединения Сибири как значимое событие» оказался неудачной коммуникативной практикой локальной исторической политики.

Список литературы

1. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). М.: Межрег. ин-т общ. наук при Иркутском гос. ун-те, 2009. 389 с.
2. Шиловский М. В. Празднование «Сибирского дня» в дореволюционный период // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 12–15.
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 270 с.
4. Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2012. 344 с.
5. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. 572 с.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
7. Novick P. Nach dem Holocaust: der Umgang mit dem Massenmord. Frankfurt; M.: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. 430 p.
8. Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2021. С. 7–37.
9. Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 231 p.
10. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–65.
11. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2012. 344 с.
12. Загорский В. Из быта и нравов Сибири 18 века // Сибирский архив. 1912. № 6. С. 449–464.
13. Загорский В. Из начальной истории приходских училищ в Иркутской губернии // Сибирский архив. 1912. № 10. С. 754–761.
14. Загоскин М. В. Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск: Тип. Синицына, 1870. 142 с.
15. Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. № 7. С. 505–534.

16. Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 216 с.
17. Анисимов К. В. Поэтика литературы Сибири 10–30-х годов XIX-го столетия (особенности становления региональной литературной традиции). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. 100 с.
18. Спасский Г. И. Летопись Сибирская. Репринтное издание 1821 г. СПб.: Альфарет, 2009. 104 с.
19. Комлева Е. В. «По мере сил наших и знаний будем работать...»: из переписки основателей Минусинского и Енисейского городских общественных музеев // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Минусинск: Минусинский рег. краевед. музей им. Н. М. Мартыанова, 2020. С. 19–41.
20. Адамов А. А. История археологических исследований в Тобольском музее // Ежегодник-2002 Тобольского музея-заповедника. Тобольск: Тобол. гос. ист.-архитектур. музей-заповедник, 2003. С. 138–156.
21. Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с.
22. Голодников К. Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. Тобольск: Тип. Тобольск. губ. правл., 1887. 139 с.
23. Агапов М. Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1. С. 142–150.
24. 300-летие Сибири. Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 года. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1882. 43 с.

Информация об авторе

Чернышов Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 664028, Россия, г. Томск, ул. Ленина, 36; 1502911@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>.

Для цитирования

Чернышов С. А. Празднование 300-летия присоединения Сибири к России в Красноярске и Иркутске: неудавшийся акт локальной исторической политики // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 168–178. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-168-178.

Статья поступила в редакцию 29.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

References

1. Dameshek, I. L. Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917). M: Interregional Institute of Social Sciences at the Irkutsk State University, 2009. (In Rus.)
2. Shilovsky, M. V. Celebration of the “Siberian Day” in the pre-revolutionary period in Humanities in Siberia. no. 2. pp. 12–15, 2013. (In Rus.)
3. Lotman, Yu. M. Culture and Explosion. M: Gnosis, 1992. (In Rus.)
4. Uspensky, B. A. Ego Loquens: Language and communication space. M: RGGU, 2012. (In Rus.)
5. Klyuchevsky, V. O. Russian history. A complete course of lectures in three books. Book. 1. M: Thought, 1993. (In Rus.)
6. Assman, A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. M: NLO, 2014. (In Rus.)
7. Novick, P. Nach dem Holocaust: der Umgang mit dem Massenmord. Frankfurt; M: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. (In Eng.)
8. Malinova, O. Yu., Miller, A. I. Introduction. Symbolic politics and the politics of memory in Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe: a collection of articles. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2021: 7–37. (In Rus.)
9. Art, D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. (In Engl.)
10. Nora, P. Between memory and history. Problems of places of memory in France – memory. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University: 17–65. (In Rus.)
11. Habermas, Yu. Structural change in the public sphere: research on the category of bourgeois society. M: Ves Mir, 2012. (In Rus.)
12. Zagorsky, V. From the life and customs of Siberia in the 18th century in Siberian archive. no. 6, pp. 449–464, 1912. (In Rus.)
13. Zagorsky, V. From the initial history of parochial schools in the Irkutsk province in Siberian archive. no. 10, pp. 754–761, 1912. (In Rus.)

14. Zagoskin, M. V. Irkutsk and Irkutsk province with an outline of other provinces and regions of Siberia. Irkutsk: Type. Sinitsyna, 1870. (In Rus.)
15. Linkov, A. The growth of education in Eastern Siberia in Siberian archive, no. 7, pp. 505–534, 1912. (In Rus.)
16. Goldfarb, S. I. Newspaper “Eastern Review” (1882–1906). Irkutsk: Publishing house of Irkutsk unuversite, 1997. (In Rus.)
17. Anisimov, K. V. Poetics of Siberian literature in the 10–30s of the 19th century (features of the formation of a regional literary tradition). Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2004. (In Rus.)
18. Spassky, G. I. Chronicle Siberian. Reprint edition of 1821. St. Petersburg: Alfaret, 2009. (In Rus.)
19. Komleva, E. V. “We will work to the best of our ability and knowledge...”: from the correspondence of the founders of the Minusinsk and Yenisei city public museums in Papers of the Minusinsk Museum of Local Lore im. N. M. Martyanova. Minusinsk: Minusinsk Regional Museum of Local Lore. N. M. Martyanova, 2020: 19–41. (In Rus.)
20. Adamov, A. A. The history of archaeological research in the Tobolsk Museum in Yearbook-2002 of the Tobolsk Museum-Reserve. Tobolsk, 2003: 138–156. (In Rus.)
21. Gimelshtein, A. V., Dameshek, L. M., Senina, E. A. The image of “foreigners” on the pages of the Siberian periodical press (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century). Irkutsk: East Siberian Publishing Company, 2007. (In Rus.)
22. Golodnikov, K. Tobolsk and its environs. Historical essay. Tobolsk: Type. Tobolsk. lips. rule, 1887. (In Rus.)
23. Agapov, M. G. Yermak’s Avatars: Monumental Forms of Representation and Actualization of Historical Memory in Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography, no. 1 (32), pp. 142–150, 2016. (In Rus.)
24. 300th anniversary of Siberia. Celebration in St. Petersburg and Moscow of the day of October 26, 1581. St. Petersburg: Type. F. Eleonsky and Co., 1882. (In Rus.)

Information about author

Chernyshov Sergey A., Candidate of History; National Research Tomsk State University; 36 Lenina ave., Tomsk, 664028, Russia; 1502911@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>.

For citation

Chernyshov S. A. Celebrating the 300th Anniversary of the Joining of Siberia to Russia in Krasnoyarsk and Irkutsk: A Failed Act of Local Historical Politics // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 1. P. 168–178. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-168-178.

**Received: January 25 2023; approved after reviewing February 27 2023;
accepted for publication February 28 2023.**